

Он пытался сорвать розу, проявляя высокомерие, но лишь изрезал руки в кровь о шипы.

\*\*\*

Империя Мэнма, планета первого порядка, Шэнфулия.

Бац.

Бокал с красным вином внезапно упал на пол и разлетелся вдребезги. В темной комнате фигура на диване слегка напряглась. Человек потерял виски, в его глазах промелькнуло недоверие.

— Что такое? Не нравится наше новое убежище? — Перед многоярусными деревянными стеллажами стоял красивый мужчина в темно-синем костюме для верховой езды. Он повернул голову, и его мягкий взгляд упал на кожаный диван неподалеку.

Там, в полумраке, тускло поблескивала цепь, уходящая вглубь тени, из-за чего лицо второго человека было полностью скрыто темнотой.

— Это Мать насекомых, — пробормотал тот. Когда он наклонился, чтобы подобрать осколки бокала, цепи, сковывавшие его движения, издали глухой лязг.

— Мать насекомых? — Мужчина слегка замер, на его лице появилось задумчивое выражение.

— Я чувствую это — родилась новая Мать насекомых. — Цепи продолжали звенеть, выдавая беспокойство владельца. — Я же говорил тебе, что много лет назад убил одну Мать насекомых, крошечную особь, которая еще даже не родилась, но уже была способна вызвать резонанс у всего роя...

Вероятно, это был «хлам», оставленный прежним владельцем особняка.

Мужчина, только недавно вступивший в права владения домом, погрузился в раздумья. Его пальцы погладили четырехзначный кодовый замок на морозильной камере. Нейронные связи в его мозгу работали быстро, и вскоре он выудил из памяти личность бывшего хозяина: Йорф Дабс, пятый наследник семьи Дабс, альфа высшего класса. Конечно, именно на этом поколении начался закат всего рода.

— Это не обычная Мать насекомых, а Мать насекомых с королевской кровью.

— ...Да. — Звук цепей постепенно стих. Человек, скрытый в тени, тяжело дышал. Он был похож на глубокого старика, в груди которого klokотала удушливая тяжесть, и лишь бледная ладонь, слабо похлопывающая по груди, была едва видна.

Из-за зависти. Из-за страха.

— Хм? Посмотрим, что я нашел... — Голос мужчины у стеллажей прозвучал с легким удивлением. Из глубины шкафа, украшенного изящной резьбой, он достал видавший виды морозильный ящик. Углы его были сильно потерты, но, к счастью, внешние повреждения не мешали работе устройства.

В ящике, хранившемся сотни лет, лежал не драгоценный препарат, а пробирка с кровью. Она плавно перетекала внутри узкого стекла, повинаясь движениям мужчины. Никакого расслоения — она выглядела такой свежей, словно ее взяли только что.

Кто же виноват, что у него был предок, обезумевший от любви? Став главой семьи, он разорился в попытках найти одного человека, и в конце концов действительно обанкротился.

— У меня всегда была отличная память, да и ассоциативное мышление с удачей тоже не подводили. — Мужчина изогнул губы в полушутливой улыбке. Он не обязан был отвечать на вопросы собеседника, поэтому просто небрежно копался в ящике, от которого веяло холодом: — Пробирка с кровью, браслет и фотография...

Щелк.

Он усмехнулся:

— Те высшие насекомые, должно быть, нервничают куда больше нас, верно?

— О, ну что ж, похоже, нам придется подождать. — Мужчина издал изящный, театральный вздох. — Бессмертие... это действительно мечта, от которой захватывает дух. Власть, деньги, статус — все станет доступно в мгновение ока.

В голове мужчины промелькнули старинные любовные истории. Поразмыслив мгновение, он ввел на кодовом замке серию цифр.

Мужчина улыбнулся:

— Я помню, ты обрел бессмертие благодаря крови Матери насекомых?

— Тогда что же это за новая маленькая Мать насекомых?

Впрочем, модель этого ящика выпускалась несколько сотен лет назад, и завод-изготовитель давно прекратил свое существование.

Бормотание стихло.

— Откуда ты знаешь код? — Цепи заскрежетали, человек на диване снова достал целый бокал и налил себе красного вина.

Тот, кто был в тени, покачал головой:

— ...Пока нельзя быть уверенным.

— Я знаю. — Мужчина в синем костюме, не оборачиваясь, продолжил заниматься своим делом. На запыленных полках хранились воспоминания его семьи. Перебирая вещи, он рассеянно бросил: — Ну и что с того? Разве ты не знаешь, насколько хрупка новорожденная Мать насекомых? Тем более...

Открылось.

При нынешних технологиях Империи сохранить кровь несложно, но странно было то, что эта кровь выглядела слишком свежей. Ненормально свежей.

Человек на диване принюхался. Герметичная стеклянная трубка должна была блокировать любые запахи, но он внезапно почувствовал жажду. Его горло дернулось, кадык непрерывно ходил вверх-вниз. Темные, как бездна, зрачки впились в ярко-красную жидкость в трубке, в них вспыхнули два яростных огонька — точно кот, увидевший ночью мышь.

Дзинь.

Звон маленького колокольчика прозвучал необычайно чисто, прервав жажду, копившуюся в его душе.

— Солан, о чем ты думаешь? — Внезапно подал голос мужчина у морозильника. В руках у него была не только стеклянная трубка с кровью, но еще фотография и браслет с колокольчиком.

— Ни о чем. — Молодой человек по имени Солан пришел в себя. Он осушил бокал до дна, с трудом поднялся, опираясь на диван, и наконец вышел на свет. Цепи, сковывавшие его лодыжки, скрылись в глубокой тени. — Эта кровь... она странная.

— Я тоже это заметил. — Мужчина потряс трубку и внезапно приблизился к Солану. — Чувствуешь?

— Я тебе не собака. — Юноша поджал губы, но все же приблизился к закрытому горлышку трубки и потянул носом. Запаха действительно не было, но это лишь разжигало нестерпимый зуд в его душе, заставляя вены вздуться. Он смотрел на эту, казалось бы, «живую» кровь, и

его сердцебиение начало синхронизироваться с движением красной жидкости. Это было знакомое притяжение, идущее из самой глубины крови.

Солан подавил это чувство и не удержался:

— Похоже на кровь Матери насекомых — такая же полная жизни и властная. Может, это резонанс, вызванный рождением новой Матери?

Его заторможенное сознание даже не задалось вопросом, почему на территории человеческой Империи оказалась драгоценная кровь Матери насекомых, но подсознательно он скрыл другую важную информацию.

Мужчина с улыбкой посмотрел на Солана. В глубине его зрачков таился какой-то скрытый смысл: это было похоже на безоговорочное доверие, но в то же время — на холодный, пронизывающий до костей осмотр.

Солан нервно сжал пальцами край брюк и посмотрел на руку мужчины:

— Что на фотографии?

— Ничего важного. — Мужчина улыбнулся, небрежно сунул браслет и фото в карман костюма, убрал кровь обратно в морозильник, закрыл его и запер — все одним четким движением. — Дорогой Солан, ты же знаешь — мне пора продолжать служить нашему мудрому и решительному Императору. Пора меняться.

Солан снова съехал на диване в тени. Он равнодушно кивнул и, когда мужчина уже уходил, не забыл добавить:

— Не выдавай мое местоположение.

— Разумеется, я честный человек и держу свое слово.

Мужчина вышел из темной комнаты бесшумно. Едва закрыв дверь, он сбросил мягкую маску, сменив ее на холодное высокомерие — выражение, свойственное лишь представителям старой аристократии. Он снова достал фотографию из кармана и, наклонив голову, стал разглядывать ее на свету. В его взгляде читалось нечто непостижимое.

На фото был красивый юноша с черными волосами и черными глазами. Вероятно, заметив, что за ним наблюдают из угла, он резко обернулся, и в его глазах, сверкающих холодом, словно лезвия, читалась ярость. Волосы разметались, прилипнув к лицу, одна прядь попала на губы, подчеркивая их ярко-красный цвет — единственное яркое пятно на всем снимке.

В правом нижнем углу небрежным почерком было выведено: 1224.

Это был код, и это была дата.

Пальцы мужчины нежно погладили старую фотографию, мозолистые подушечки прошлись по щеке красивого юноши с оттенком интимной двусмысленности.

Он произнес:

— Какая красота...

Ирония в том, что это было в его вкусе.

— Жаль, что он уже мертв. — Говорят, от него даже пепла не осталось.

Равнодушное бормотание растворилось в воздухе, и фигура мужчины исчезла в конце коридора.

Ах, как же хочется есть...

Хочется так, что, кажется, я мог бы съесть целого быка или еще что-нибудь.

Гу Ци, обхватив живот, лежал на брюхе бархатного муравья, бездумно дергая пушистый ворс. Конечно, он не прикладывал сил, поэтому, несмотря на долгие мучения, не вырвал ни единого волоска.

Тело Матери насекомых оказалось гораздо более хрупким, чем он предполагал. Возможно, из-за того, что раньше его питала яичная жидкость, Гу Ци почти не чувствовал голода. Но стоило ему лишиться защиты оболочки, как яростный голод накрыл его, подобно шторму, настолько сильный, что желудок сводило спазмами.

Голод! Голод! Голод!

Простые слова сплелись в заклинание, шумно крутятся в голове Гу Ци. В какой-то момент он даже потерял рассудок — все его сердце было сжато огромной рукой голода.

Это было невыносимо.

Бархатный муравей почувствовал мучения Матери. Он тревожно посмотрел на пустой вход в пещеру, не видя следов других насекомых, и принялся тихонько раскачивать грудью, словно материнская колыбель, пытаясь хоть как-то унять дискомфорт Матери.

А черноволосый юноша, обессилев, тихо свернулся калачиком среди мягкого ворса.

Земля, усыпанная мелкими камнями, отдавала теплом. Жар просачивался из-под земли, и с вершины горы снова повалил густой серовато-белый дым, скрывая высоко летящих птиц. В густом лесу стремительно метались низшие насекомоподобные — летали и бегали, разыскивая пищу, способную наполнить слабый желудок Матери.

Все они служили Матери насекомых.

В тот же самый момент:

«Так голоден».

Ангэсы Синхун, сидевший в гостинной и дегустировавший красное вино, внезапно замер. Бокал, который он держал в руке, упал на пол и разлетелся на куски.

Он подумал, что ему послышалось.

— Что это...

Он подавил голос, чувствуя замешательство. В красных глазах, затуманенных легким хмелем, мгновенно прояснилось.

Высшее насекомое с рыжими волосами нахмурилось, в его глазах того же цвета заплесало странное, непонятное пламя. Он наклонил голову, пытаясь четче уловить момент, случившийся секунду назад, но после короткой паузы раздраженно потер виски. Ангэсы пробормотал себе под нос:

— Что это было...

Кто кричал от голода в ментальной связи? Но этот голос не принадлежал ни одному из известных ему высших насекомых.

«Голоден...»

Незнакомый голос прозвучал снова, заставив Ангэсы вновь пережить то покалывание в нервах, которое он ощутил в день рождения Матери насекомых. В мгновение ока его осенило — это был голос Матери.

— Как это возможно...

Чистый, слегка нежный. Не тот приторный, как у сладостей, а другой — словно ледяное фруктовое вино, которое ассоциируется с солнцем, легким бризом, пляжем или нежными перекатами лазурного прибоя.

Ангэсы нахмурился из-за своих слишком мягких ассоциаций. Что-то не так. Мысли о Матери насекомых должны вызывать ненависть и отвращение, а не этот приторно-сладкий вкус.

Рыжеволосое насекомое невольно поморщилось от собственных мыслей.

Он потер виски, вспоминая все, что произошло: незадолго до этого, когда он поднес третий бокал вина к губам, готовясь выпить его залпом, в мозгу внезапно дернулся нерв, а затем из барабанных перепонок или другого места, связанного с корой головного мозга, раздался голос, который не принадлежал ни ему, ни Лусыэню, ни Айвэй.

Высших насекомых, способных на ментальную связь, было немного. Это означало силу и высший статус в рое.

Другими словами, эта новорожденная Мать насекомых не только подала сигнал о своем появлении на свет, но и транслировала чувство голода прямо в мозг другим — или, по крайней мере, одному — высшему насекомому.

Более того... Ангэсы и сам почувствовал легкий голод.

«Так голоден...»

Снова.

Ангэсы резко сел. Его глаза расширились, на красивом, склонном к флирту лице появилось выражение тупого недоумения. Темно-красные глаза обшарили всю гостиную, и он не удержался, прошептав:

— Такая слабая. Мать насекомых, которая даже не может утолить свой голод, наверняка умрет от истощения раньше, чем мы ее найдем...

Сказав это, он подошел к столу, где остался десерт с дневного перекуса. Сейчас он выглядел невероятно аппетитно.

«Голоден, голоден, голоден».

Повторяющиеся слоги толпились в голове Ангэсы. На его висках вздулись вены, он с силой ударил по столу. Увидев вмятину и дрожащий десерт, Ангэсы снова нахмурился, глядя на пирожное так, будто пытался разглядеть в нем что-то особенное.

Через мгновение он изогнул губы:

— Чем ждать, пока она умрет с голоду, я лучше сделаю все сам.

Видимо, мысль о крови Матери насекомых, брызжущей на кожу, вызвала у Ангэсы прилив первобытной жестокости. Он облизнул клыки, как голодный волк, и улыбка на его губах стала еще довольнее. Вероятно, «голод», повторяющийся в ментальной связи, разбудил в нем аппетит. Рыжеволосое высшее насекомое неторопливо отправило в рот десерт с фруктовым ароматом. Сладость взорвалась на языке, и голоса в голове мгновенно стихли.

Он со злорадством подумал, что Мать насекомых, возможно, уже упала в голодный обморок или стала чьим-то десертом. В любом случае, в сценариях, которые Ангэсы приготовил для Матери, не было ни одного счастливого конца.

Проглотив десерт, Ангэсы схватил коммуникатор и небрежно открыл список контактов, собираясь связаться с Лусыэнем и Айвэй. Но, бросив взгляд на крошки от десерта на тарелке, он на мгновение заколебался.

Ангэсы молча подождал еще немного, но больше не услышал ни звука из ментальной связи. Его пальцы замерли, скользя по экрану, но он не нажал кнопку вызова, а просто отбросил коммуникатор в сторону.

— Понаблюдаю еще...

Сладость на языке приносила удовольствие, но рыжеволосое высшее насекомое не могло не задуматься: а что если эта новорожденная Мать насекомых действительно умрет от голода?.. Тогда он лишится огромного удовольствия.

<http://bllate.org/book/21239/2148738>